

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-12-24-45

Экономическая трансформация советской системы в 1980–1990-х годах: источники капитала и власти

И.К. ЛАВРОВСКИЙ, кандидат экономических наук. E-mail: ilavr@mail.ru
Независимый исследователь, Москва

Аннотация. Рассматриваются причины экономического кризиса СССР и советская экономическая политика, начиная с попыток реформ 1960-х годов вплоть до эпохи перестройки. Гипермонополизированная советская экономика постепенно теряла управляемость и пришла к полному своему банкротству. Показана несостоятельность теоретической базы реформ начала 1990-х в противовес реальным шагам властей России и массовой экономической самоорганизации. Реформы, по сути, свелись к отмене государственного заказа и открытию национального рынка для иностранных корпораций. Прослеживается эволюция экономической системы и системы государственного управления экономикой в последующий период. Восстановились крупные хозяйственные организации и была упорядочена финансовая система страны.

Ключевые слова: СССР; экономическая политика; социализм; капитализм; рынок; корпорация; внешняя торговля; реформы; перестройка; бизнес

То, безусловно, большое влияние, которое идеи оказывают на общество, всегда опосредовано реальными материальными факторами. Невозможно «изменить систему» «правильными идеями» – сама эта идея явно неправильна. Никакой авторитарный, тоталитарный или демократический правитель не может обойти сложившиеся в обществе привычки, порядки и беспорядки. Эффективная политика должна строиться на признании реальности: на понимании человеческих мотиваций и объективных условий политических действий. Это именно то, чего так не хватало СССР и постсоветским республикам в 1980–1990-х годах.

Банкротство СССР Инкорпорейтед

В.И. Ленин говорил, что политика «не может не иметь первенства» над экономикой – «рассуждать иначе, *значит забывать азбуку марксизма*» [Ленин, 1970. С.278]. Трудно придумать тезис, более далёкий от классического марксизма. Но советская пропаганда

никогда не стеснялась в создании псевдореальности. Многие советские идеологические штампы до сих пор в ходу не только у левых политиков, но и у российских и западных антикоммунистов.

Так, принимается без доказательств тезис о «построении социализма в одной отдельно взятой стране». Но с точки зрения классического марксизма, социализм – это высшая по отношению к классическому капитализму формация, возникающая на почве быстрого развития производительных сил, превосходящих капиталистические. Социализм невозможно ввести декретом, и он никак не связан с политической ориентацией общества, то есть не является монополией социалистов.

Как может страна, разрушенная Гражданской войной и революцией, создать производительные силы, превосходящие существующие в передовых капиталистических странах? Ответ – никак. Она может только импортировать производственную базу и постараться максимально быстро её освоить.

Получается, что экономическое развитие СССР более адекватно описывается не как «строительство социализма», а как вариант политически мотивированной догоняющей индустриализации. Причём, импортируемое экономическое устройство неизбежно влекло за собой импорт организационных и общественных отношений.

Если принять реальность, отклонив идеологию, всё встаёт на свои места – становятся понятны и борьба Сталина с ленинско-троцкистским революционизмом, и общее «омещанивание» системы вместе с её неоклассицизмом и сталинским ампиром – вполне консервативные ценности того времени.

Автор в своё время сравнивал организацию советской промышленной экономики с западной корпоративной организацией и пришёл к выводу об их практически полной идентичности [Лавровский, 1988] – советские отраслевые министерства были организованы точно так же, как крупные западные корпорации. Ещё раньше к тем же выводам пришёл английский экономист русского происхождения Алекс Ноув – «политики в СССР представляют собой совет директоров великой фирмы СССР Инк.» [Nove, 1975. P. 8].

Почему же, импортировав западную капиталистическую производственную базу и организационную модель, СССР в течение

нескольких десятилетий постепенно откатывался назад и пришёл в конце концов к экономическому краху?

На наш взгляд, причина в постепенном затухании мотивации к экономически осмысленной деятельности в рамках советской системы. Мотивация не возникает сама по себе. Можно рассматривать два ее организационных типа (модели) – авторитарную и конкурентную. Обе они сосуществуют в любой экономике.

Авторитарная модель построена на личности лидера. Размеры предприятия могут при этом быть любыми. Это может быть семейная фирма, а может – гигантский проект NASA или советского Средмаша. Илон Маск демонстрирует сегодня классический образец авторитарной организационной модели. Авторитарная модель держится на безусловном доверии к лидеру или на страхе. Причём это не обязательно страх перед НКВД, – в романах Диккенса и Золя мы легко узнаём ту же самую модель, но построенную на страхе увольнения и голода.

Конкурентная модель предполагает организационную сплочённость против внешних угроз. При этом важно иметь «против кого дружить». На этой модели построена практически вся современная мировая корпоративная экономика. В советской системе монополия политического и экономического руководства устранила возможность внутристрановой конкуренции. Соответственно, были уничтожены и основы этого вида организационной мотивации. СССР реально конкурировал с Западом только в военной области, не случайно именно в военной сфере были достигнуты самые значительные технологические успехи и именно туда направлялась львиная доля экономических ресурсов.

Начиная с середины 1950-х годов в СССР происходила постепенная эрозия личной и коллективной мотивации. Ушёл страх перед голодом и политическим насилием, исчезла и стимулирующая связь между усилиями и результатами. Чем дальше, тем все менее реальной воспринималась угроза ядерной войны между сверхдержавами, распадалась система централизованного планирования. Вместо общекорпоративного советского планового органа ГОСПЛАН постепенно превратился в гигантский бартерный рынок, на котором отрасли обменивались так называемыми «фондами», то есть квотами на поставки материалов, топлива, оборудования.

Попытки советского руководства централизованно угнаться за растущей на Западе компьютеризацией оказались безрезультатны, несмотря на десятки директив и совместных постановлений на эту тему ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Планы больше не выполнялись.

Монопольный характер советской экономики породил и весьма либеральный подход к финансовой системе. Советские предприятия были сделаны экономически бессмертными. Как писал знаменитый венгерский экономист Янош Корнай, «если такое предприятие становится убыточным, то это еще не ведет к настоящему банкротству, остановке производства. Его каким-нибудь образом “спасут”: оно получит дополнительные кредиты или будет уменьшена ставка налога, или предоставлены дотации, или повышены цены на выпускаемую продукцию, но в конце концов предприятие преодолевает финансовые трудности. Подобным же образом платежеспособность жестко не ограничивает производственный спрос такого предприятия... Точно так же выглядит и другая сторона явления: предприятие как поставщик сталкивается с почти ненасыщаемым спросом на свои изделия... Конечный результат таков: план традиционного социалистического предприятия складывается в зависимости от наличия ресурсов» [Корнай, 1990. С. 54].

Таким образом, в советской экономике «деньгами» постепенно стали ресурсы, продукция, и ценность этих «денег» была тем выше, чем сильнее был дефицит. Это побуждало производителей не к удовлетворению спроса, а к вводу продукции на теневой или полутеневой рынок бартерного обмена.

При сравнительно либеральном режиме Л. И. Брежнева эта гибридная система полуплана-полурынка пышно расцвела, централизованная управляемость экономикой была практически потеряна, а массовая утрата экономической мотивации стала угрожающей для экономики и государства. Ю. В. Андропов попытался восстановить авторитарную компоненту экономической мотивации, но попытки закручивания гаек уже ни к чему не привели. М. С. Горбачёв поначалу продолжил ту же линию, усугубив её «борьбой с алкоголизмом» (заметим, с его проявлениями, а не причинами), которая значительно подорвала бюджетные доходы страны.

Но начиная с 1985 г. политический маятник уходит в противоположную сторону и происходит постепенный сдвиг в сторону экономической либерализации.

Сильнейший удар по советской системе нанесло принятие в 1987 г. «Закона о предприятии». Как уже упоминалось, советская система представляла собой единую разветвленную монополию, нечто вроде «СССР Инкорпорейтед», существование которой зависело от возможности контроля центрального правления над всеми производственными единицами. Закон о предприятии фактически открыл путь для выхода производственных единиц из монополярной структуры в свободное плавание. Но это не привело к росту предложения, а, наоборот, заставило предприятия лихорадочно адаптироваться к дефицитному рынку и накапливать ресурсы в ожидании неизбежного роста цен на их продукцию.

Как констатировал Е. Т. Гайдар, «валютный кризис, падение государственных доходов, рост бюджетного дефицита подталкивают к экспансии денежного предложения. Эмиссия денег в 1991 г. достигает беспрецедентных за последнее десятилетие существования СССР масштабов» [Гайдар, 2015. С. 126].

Снижение производства товаров народного потребления было вызвано разрушением хозяйственных связей по поставкам сырья, материалов и комплектующих изделий и отсутствием валютных средств на их закупку за рубежом. Раньше такие поставки осуществлялись на бартерной основе или по министерским разрядкам, переход же к денежным отношениям между предприятиями резко повысил спрос на деньги и вызвал мгновенное удорожание практически всех видов ресурсов. Советская монополия стала фактически банкротом.

Еще некоторое время советское руководство судорожно искало возможности закрытия растущих кассовых разрывов за счёт иностранных кредитов. В выступлении по британскому телевидению М. С. Горбачев говорил об угрозах, связанных с крахом Советского Союза, и хаосом в случае, если Запад не предоставит экономическую помощь. Но помощь извне так и не пришла. СССР обанкротился, советское наследие ожидала «пожарная распродажа».

Неработающие программы, работающие простые меры

Во время перестройки разразились идеологические баталии между приверженцами централизованного контроля и адептами частного рынка. И хотя ни те, ни другие не обладали ни убедительными данными исследований, ни продуманными концепциями действий, недостатка в предложениях и программах экономических реформ не было. Само слово «перестройка» попало в политический оборот из программы советской Академии наук, написанной под руководством академиков Л. И. Абалкина и А. Г. Аганбегяна. В 1989–1990 гг. были подготовлены также правительственная программа реформ под руководством Н. И. Рыжкова и программа Г. А. Явлинского и С. С. Шаталина «500 дней».

Последняя представляла собой почти 500 страниц текста и сотни мер, которые в принципе не могло бы выполнить ни одно правительство мира, тем более – советское и постсоветские правительства, находившиеся в состоянии глубокого политического кризиса. Собственно, ни одна из программ того периода так и не была реализована. Де-факто сработал очень простой набор жестких и радикальных мер, оставивший миллионы людей без накоплений и средств к существованию.

Еще до распада СССР началась жестокая схватка за дележ советского наследства. Вовне это проявлялось почти ежедневными полицейскими сводками о расстрелах и взрывах людей с пугающе фаталистическим комментарием «по причинам, связанным с их предпринимательской деятельностью». Внутри экономики – перекачкой ресурсов со счетов на счета, формированием офшорной экономики, разорением одних и быстрым обогащением других. Продолжалась хаотическая либерализация торговли. В конце 1980-х началась и негласная утечка валютных доходов советских внешнеторговых предприятий за рубеж.

Очевидно, в том дезорганизованном состоянии, в каком находилась правящая верхушка СССР и постсоветской России, никакой когерентный план в принципе не мог быть реализован. Но и те меры, которые продвигали противники «административно-командного» метода управления, нередко были волонтеристскими и вели к снижению платежеспособного спроса

в экономике и, следовательно, ВВП. Так, в программе Г. А. Явлинского и С. С. Шаталина предлагалось значительно сократить финансирование Министерства обороны СССР за счет резкого снижения закупок вооружения и военного строительства («экономленные материальные ресурсы направляются на свободную реализацию»), а также – производственные инвестиции, финансируемые из союзного и республиканских бюджетов¹. Это могло привести только к экономическому спаду.

Михаил Горбачев в своё время признал, что военные расходы достигали 20% ВВП СССР [*по многим оценкам, до 30–40% – И.Л.*]. «В таких городах, как Иркутск, Пермь, Новосибирск, и даже в Санкт-Петербурге, ... около 70% промышленности было ориентировано на военное производство. Поэтому воздействие, оказанное значительным сокращением военного бюджета, было основательным. Политики обещали друг другу дивиденды мира. Но когда экономика так сильно “подсела” на военном производстве, ослабление напряженности с очень большой степенью вероятности приводит к катастрофе в производстве, а если... проведены в жизнь законы о банкротстве, то – к обширному банкротству. Даже при наилучших обстоятельствах конверсия военной промышленности в гражданскую – сложная задача. Но если, сверх того, экономика одновременно движется от системы централизованного планирования к рыночной, то неизбежны и массовая безработица, и закрытие фабрик. Немногие правительства, даже те, которые не являются демократическими, могут пережить такую “радикальную хирургию”» [Голдман, 2005. С. 44.].

«К большому разочарованию властей, падение ВВП, которое началось при Горбачеве, при Ельцине и Гайдаре стремительно ускорилось. ВВП падал каждый год – до 1997-го, в котором он поднялся чуть менее чем на один процент. Однако падение продолжалось в 1998 году, даже перед “черным” понедельником 17 августа, когда разразился финансовый кризис... ущерб, нанесенный и экономическому росту, и организационной структуре с начала 1990 года был огромен. Официальные российские статистические данные показывают, что с 1991 по 1998 год ВВП упал более чем на 40 процентов (некоторые говорят, что даже на 50 процентов). Это падение превзошло коллапс

---

¹ URL: <https://www.yabloko.ru/Publ/500/500-days.html>

американской экономики во времена Великой депрессии. Но, в отличие от США 1930-х годов, Россия претерпела еще и гиперинфляцию» [Там же. С.30].

Почему же экономическая либерализация в СССР не привела к ускорению экономического роста, а наоборот, отравила экономику в пике и содействовала распаду советской империи?

Считаю, что главная причина – это совершенно неадекватное реальности представление советской правящей и интеллектуальной верхушки о сути системы и о причинах ее кризиса. Как защитники, так и противники системы оставались внутри истматовской² парадигмы о якобы «построенном» в СССР «социализме», ложно идентифицируя марксово естественное обобществление производственных процессов в рыночной капиталистической экономике с собственностью государства на экономические ресурсы и средства производства. Но государственная монополия внутри капиталистической системы не перестаёт быть капиталистической монополией. Если считать систему социалистической только на том основании, что к власти пришли политические деятели социалистического толка, тогда можно говорить о победе социализма и в родоплеменном обществе³.

В то же время с точки зрения реального социализма Запад явно вырвался вперёд, обогнав СССР и страны Восточного блока по уровню жизни населения и доступности социальных благ, не разрушив при этом капиталистических основ своей экономики. Это так явно диссонировало с советской идеологией, что порождало сильнейший когнитивный диссонанс даже в среде высшей советской номенклатуры.

Почему ложное концептуальное понимание советскими идеологами своей собственной системы оказалось так важно? Потому что они в итоге стали считать «социализм» и «централизованное планирование» экономики злом и тормозом, и поспешили уничтожить то и другое, ожидая, что благодаря одному этому экономика оживет и начнёт бурно развиваться. Этого, очевидно,

---

² Истмат – исторический материализм, советско-марксистское представление о развитии общества.

³ Собственно, это и происходило в брежневскую эпоху при очередном зачислении в «социалистический лагерь» очередного африканского или латиноамериканского полевого командира.

не произошло. Следовательно, сейчас, задним числом, нужно сделать вывод, что исходная предпосылка была неверна.

По нашему мнению, советская система, по сути, оставалась огромной капиталистической госмонополией, в которой исчезла экономическая мотивация из-за избыточно либеральной финансовой политики и отсутствия конкуренции. Отсюда следует, что эффективные экономические реформы можно и нужно было провести, не демонтируя систему в целом, а организационно выделив конкурентоспособные субъекты и создав конкурентную финансовую среду в транзакциях между ними.

Реально конкурентоспособными субъектами в советской системе были вовсе не «предприятия», которые представляли собой всего лишь организационные элементы, а советские протокорпорации, т. е. хозяйственные министерства, главки и внешнеторговые объединения [Лавровский, 1988]. Не случайно именно эти субъекты смогли выжить в 1990-е годы, и именно они составляют корпоративную основу современной российской экономики. Еще один убедительный тезис в подтверждение – это китайский опыт экономических реформ, когда сохранились и однопартийная система, и большинство крупных госпредприятий.

Что же реально сработало из экономических реформ 1990-х? Безусловно, – отмена монополии внешней торговли с одновременной либерализацией валютного регулирования. Паралич советской экономики не привёл к еще более масштабной гуманитарной катастрофе только благодаря массовым поставкам импортной продукции, быстро заполнившей постсоветские рынки. Очень важную роль сыграло также создание рынков недвижимости и земли, открывшее шлагбаум для строительного бума.

Трансформация экономической системы

Практически все ее элементы подверглись радикальным изменениям.

Сфера распределения

В самостоятельную экономическую деятельность оказались втянуты миллионы людей, которые своими сверхусилиями вытащили страну из грозившей ей катастрофы и в исторически короткие сроки создали огромные отрасли потребительского

сектора и системы распределения, практически не существовавшие в СССР.

За три года до развала СССР, в 1988 г., Совет Министров РСФСР принял Постановление «О неотложных мерах по улучшению торгового обслуживания населения в РСФСР»⁴, которое сегодня звучит полным анахронизмом: «На местах допускаются многочисленные факты перебоев в продаже товаров, имеющих в достатке. Население затрачивает излишнее время на покупку товаров, простаивая в очередях. Режим работы многих предприятий торговли и общественного питания не удобен для покупателей. Не изжиты случаи бесхозяйственности, злоупотреблений, растрат и хищений материальных ценностей, нарушений правил торговли, низка культура обслуживания... Серьезной причиной неудовлетворительного состояния торговли является отставание в развитии ее материально-технической базы. Медленно растет сеть современных магазинов, в том числе фирменных, предприятий общественного питания... Слабо развиваются прогрессивные формы продажи товаров. Внедрение метода самообслуживания сдерживается из-за ограниченного поступления товаров в расфасованном виде, что вынуждает отвлекать работников торговли на расфасовку товаров в магазинах». Меры для исправления предлагались вполне советские: «Вести непримиримую борьбу со всякого рода бесхозяйственностью, хищениями социалистической собственности, покончить с нарушениями и злоупотреблениями в реализации дефицитных товаров. Виновных в этом лиц привлекать в установленном порядке к строгой ответственности. Пресекать случаи грубости, невнимательного отношения к покупателям».

Впоследствии оказалось, что «случаи грубости и невнимательного отношения к покупателям» исчезли сразу же, как только доход торговли стал зависеть исключительно от денег покупателей. Но страна еще несколько лет продолжала стоять в очередях.

Дело в том, что провозглашенные рыночными реформы сильнее всего ударили именно по отраслям потребительского сектора. Резко сократилось производство отечественных потребительских

---

⁴ URL: <http://docs.cntd.ru/document/765723513>

товаров – как промышленных, так и продовольственных⁵, потому что подавляющее большинство предприятий этого сектора были локальными, у них просто не оказалось достаточных ресурсов для выживания в условиях острого экономического кризиса и, тем более, для инвестиций. Полностью провалилась идея фермерских хозяйств. Для сохранения уровня поставок на потребительский рынок неизбежно потребовался импорт во всё возрастающих объемах. И государственная монополия на осуществление внешнеторговых и валютных операций была ликвидирована Указом Президента РСФСР от 15 ноября 1991 г. № 213 «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР».

Как следствие, изменилась структура российского экспорта. Традиционно его основу составляют нефть и природный газ. Но с начала 1990-х Россия стала во все возрастающих объемах экспортировать черные и цветные металлы. До этого основная часть металлургической продукции, особенно цветных металлов, направлялась на военное производство. Так, в 1992 г. внутренний спрос на алюминий составил всего 200 тыс. т против 4 млн, которые прежде ежегодно потреблялись советской промышленностью. Оказавшийся «лишним» металл хлынул на экспортные рынки.

Отсутствие системы законов, регулирующих новую реальность частной экономики, криминальная угроза и политическая нестабильность заставляли многих «новых русских», обогащавшихся на экспорте и торговле импортом, вывозить деньги из страны [Глазьев и др., 2002]. Западные банкиры рассказывали, что тогда для наших соотечественников было обычным делом зайти в банк, открыть чемодан и вывалить пачки стодолларовых купюр [Голдман, 2005. С. 42]. Российские экспортеры поручали своим потребителям проводить платежи на их счета в западных банках. Импортёры часто размещали за границей большие заказы на покупку иностранных товаров. Затем предполагаемый импортёр переводил средства на зарубежный счет, но на самом деле потом никогда не ввозил оплаченные товары. Таким образом формировались частные и корпоративные офшорные фонды, которые активно финансировали растущий импорт.

---

⁵ Пик производства легковых автомобилей, например, был достигнут в 1985 г. К 1990 г. объём производства сократился на 10%, а к 1995 г. – еще на треть: URL: <https://autohs.ru/avtomobili/legkovye/avtomobilnaya-promyshlennost-sssr-i-rossii.html>

Помимо торговли юридических лиц, значительный оборот пришелся на долю «неорганизованной торговли» так называемых «челноков». Это физические лица, которые перевозили из-за границы тюки с одеждой и продуктами для перепродажи в киосках и на рынках по всей стране. Некоторые исследователи считают, что объем челночной торговли в период ее расцвета составлял 14–20 млрд долл. в год [Там же].

По всей стране открывались продовольственные, вещевые и строительные рынки, на которых мелкие поставщики могли сбыть свою продукцию. Крах советской торговли привел не к скачку перерождения в более прогрессивные формы торговли, а к скатыванию до весьма примитивных форм товарно-денежного обмена, характерных, скорее, для середины XIX, а не конца XX века (О социальных последствиях неолиберальной политики см. [Кляйн, 2009]). Относительный порядок на вновь возникающих стихийных рынках поддерживался симбиозом рэкетирских банд и коррумпированных местных властей.

Начиная с конца 1980-х, по всей стране появлялись оптовые рынки в виде различных «бирж». К 1993 г. их насчитывалось свыше 1000 [Голдман, 2005. С. 135]. К началу 2000-х годов в Москве было более 200 рынков, продававших продукты, технику и все остальное. Знаменитый Черкизовский рынок в период своего расцвета занимал более 230 га. Другие знаковые места конца 1990-х – рынок в Лужниках и «Горбушка» – в том или ином виде просуществовали вплоть до начала 2010-х годов⁶.

Многие российские частные компании «поднялись» на товарных кредитах их западных поставщиков. Каким же образом западные компании брали на себя весьма значительный коммерческий и политический риск, связанный с непрозрачной российской частной торговлей? В 1990-х годах западным поставщикам было довольно легко получить от своих правительств гарантии по экспортным кредитам на поставки в Россию. Правда, предоставлялись они, как правило, только в обмен на контргарантию одного из немногочисленных банков, признанных надежными на Западе. Отсюда следует, что начать более или менее крупные торговые операции могли только юрилица, связанные с бывшей советской и новой российской номенклатурой, которая смогла

---

⁶ URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/11/18/816538-20-let-riteila>

к тому времени легализовать и вывести за рубеж значительные финансовые ресурсы как залог для своей предпринимательской деятельности в России.

По мере расширения внутреннего рынка крупные транснациональные компании и растущие российские операторы стали создавать собственные сети распределения. Крупные логистические и торговые центры выросли по всей стране. Старые плохо организованные и криминализованные рынки плохо вписывались в новую логистическую среду, и возникло сильное политическое давление к их закрытию. Мавр сделал своё дело – мавр должен уходить.

Финансы

Российская финансовая система пережила, возможно, самые серьезные катаклизмы в сравнении с любой другой отраслью. Рубль долго лихорадило, прежде чем он смог стать достаточно твердой валютой. Фактически в стране существовали две параллельные системы денежного обращения – номинированные в рублях и в американских долларах [Ершов, 2005]. Финансовая вакханалия закончилась коллапсом 1998 г., после которого началась крайне осторожная финансовая политика, продолжающаяся по сей день.

Только за 1992 г. потребительские цены выросли в 26 раз. Гиперинфляция уничтожила практически все частные сбережения. Лауреат Нобелевской премии Джозеф Стиглиц подверг жесткой критике идеологию российских реформ и то, как они проводились. К нему присоединился и многолетний председатель ФРС США Алан Гринспэн. Он писал: «Демонтаж функций централизованного планирования в экономике не устанавливает автоматически, как некоторые считали, свободно-рыночную предпринимательскую систему. Рыночную экономику поддерживает огромная масса капиталистической культуры и инфраструктуры, которая эволюционировала в течение целых поколений: законы, конвенции, поведение и широкий спектр бизнес-профессий и практик, которые не имели важных функций в экономике с централизованным планированием»⁷.

Начавшаяся в 1987 г. монетизация деятельности советских предприятий резко повысила спрос на деньги, который советская

---

⁷URL: <https://www.federalreserve.gov/boarddocs/speeches/1997/19970610.htm>

банковская система не могла эффективно обслуживать. И в 1988–1989-х гг. Госбанк СССР разрешил регистрацию кооперативных банков и банков, учреждаемых юридическими лицами. Открыть банк тогда было относительно просто и дешево. Требуемый уставный капитал кооперативного банка составлял в 1990 г. всего 75 000 долл., коммерческого – 750 000 долл. Директора многих государственных предприятий, крупные чиновники промышленных министерств присоединились к буму создания банков.

Учредители банков создавали их для обслуживания собственных финансовых нужд, включая потребности, порождаемые программой приватизации. Нередко на кредиты, выдаваемые «карманными» банками, покупались акции, выпущенные компаниями их же учредителей. Лишь немногие новые банки работали нормально – привлекали средства населения и выдавали кредиты. Правда, не будучи учредителем, вы практически не могли получить заем на срок свыше шести месяцев.

На 1 января 1992 г. в России насчитывалось 1360 банков⁸, а в конце 1994 г. их количество достигло пика – 2517. Основные привлеченные средства этих банков принадлежали их же предприятиям-учредителям [Ханин, 2011].

Новые банки активно включились в перекачку средств бывших советских предприятий в офшорные фонды. В конце 1991 г. тогдашний премьер Егор Гайдар пригласил американскую фирму Kroll Associates для поиска исчезнувших государственных средств. По истечении нескольких месяцев работы было обнаружено, что тысячи банковских счетов, земельных участков и компаний, принадлежащих российским юридическим и физическим лицам, были зарегистрированы в офшорах с целью «отмывания» и сокрытия средств. «Каждый день из самолетов, прибывавших из России в такие страны, как Кипр, Канада, Соединенные Штаты, Швейцария и Израиль, выгружались “новые русские” с чемоданами, распухшими от 100-долларовых купюр. Никто точно не знает, какие объемы капиталов покинули страну или были отмyty, но многие полагают, что к 2000 г. общая сумма превышала 150 млрд долл. Неудивительно, что у ельцинского правительства возникли проблемы с оплатой счетов» [Голдман, 2005. С. 258].

---

⁸ Годовой отчет ЦБ РФ за 1992 год.

«В конце 1991 года, оставшись без собственных денег, “Внешэкономбанк” заморозил депозиты своих клиентов на сумму в 6–8 млрд долларов. Последовавший повсеместный финансовый коллапс нанес ущерб не только частным вкладчикам, но и российскому правительству, которое обнаружило, что оно не может оплатить ни свои счета по импорту, ни иностранные долги. Лучше всего для описания финансовой ситуации в России того времени подходит слово “хаос”. Вспомним, что официальный резерв российского Центробанка упал до отметки менее чем 2 млрд долларов» [Там же].

Первые признаки возвращения вывезенных капиталов в Россию появились только после президентских выборов 1996 г. и начавшегося оживления на фондовом рынке. Цены на российские акции поднялись, подстегиваемые иностранными инвесторами, и у российских держателей иностранных авуаров возник аппетит к репатриации части вывезенных капиталов.

После кризиса 1998 г. началось и ужесточение финансовой политики, сопровождавшееся лишением многих ранее созданных банков их лицензий. К 01.07.2020 в России осталось только 388 коммерческих банков.

Крупный и мелкий бизнес

Отдельной истории заслуживают как крупный корпоративный сектор, возникший из крупных советских предприятий и даже из целых отраслей, так и мелкий и средний частный бизнес. Их противоречивое сосуществование до сих пор не привело к взаимовыгодному симбиозу и чревато новыми серьезными кризисами.

В результате пожарной распродажи бывших советских активов всего за три или четыре года на территории России было приватизировано 60–70% бывших советских предприятий. Процесс сопровождался обогащением лиц, располагавших конфиденциальной информацией, в ходу были многочисленные инсайдерские сделки. Возникло множество ваучерных фондов, выкупавших у населения приватизационные ваучеры⁹ и использовавшие их для покупки значительных объектов.

---

⁹ Ваучер – именной талон на участие в приватизации госимущества каждого гражданина России, предложенный и внедренный в декабре 1991 г. Анатолием Чубайсом – председателем Государственного комитета РФ по управлению государственным имуществом.

Самые крупные приватизационные сделки были заключены в ходе так называемого залогового аукциона в ноябре-декабре 1995 г., когда в частные руки перешли металлургические компании «Норильский никель», Новолипецкий металлургический комбинат, АО «Мечел», нефтяные компании «ЛУКОЙЛ», «ЮКОС», «Сиданко», «Сибнефть», «Сургутнефтегаз», нефте-трейдер АО «Нафта-Москва»; Мурманское, Новороссийское, Северо-западное речное пароходства. Счётная палата Российской Федерации позднее признала притворный характер этих сделок¹⁰, резко изменивших структуру российской экономики. Осуществление таких крупных сделок со стратегически значимыми предприятиями было невозможно без закулисных договоренностей между новыми владельцами и госаппаратом. Со временем часть этих договоренностей была пересмотрена, и некоторые первые владельцы лишились этой собственности.

В результате приватизации и роста внутреннего рынка сформировались два малопересекающихся сектора экономики – так называемый олигархический сектор крупных корпораций и сектор малого и среднего частного бизнеса. Крупные корпорации имеют тесные связи с госаппаратом, и их интересы внимательно учитываются при разработке экономической политики. Коллективным органом, представляющим их интересы, является РСПП (Российский союз промышленников и предпринимателей). Их частные коллеги тоже имеют свои «профсоюзы». Это «Деловая Россия» и «Опора России», лоббирующие интересы малого и среднего бизнеса.

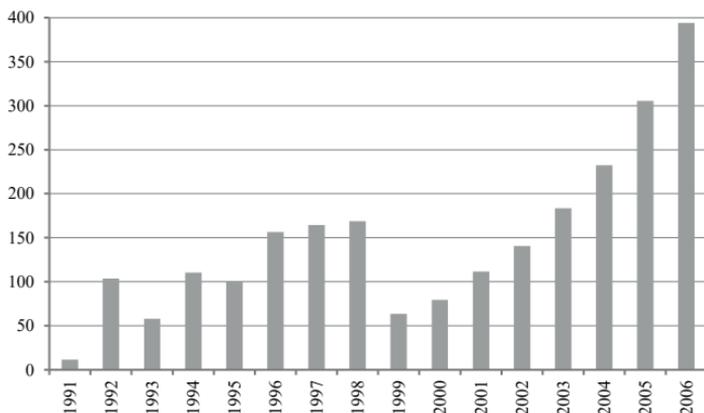
Труд и уровень жизни

Нужно упомянуть и о произошедшем закрытии пропасти в структуре издержек, существовавшей между советской экономикой и остальным миром. В отличие от Китая Россия довольно быстро в период реформ лишилась дешевой рабочей силы. При этом рост реальной стоимости труда практически не дал инвестиционного эффекта, то есть создания глобально конкурентоспособных производств на основе дешевой рабочей силы. Экономическое развитие пошло по другому пути – за счёт расширения внутреннего рынка, а не выхода на экспортные рынки.

---

¹⁰ URL: <http://www.r-reforms.ru/priv22.htm#3>

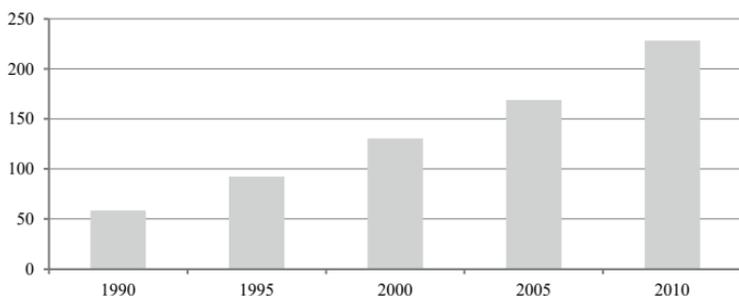
Номинальная среднемесячная зарплата в России выросла с 11 долл. в месяц в год распада СССР до 169 долл. в кризисный 1998 г., и после резкого спада стала быстро расти (рис. 1).

Источник. Расчёты автора по данным Роскомстата и Банка России, www.gks.ru > free_doc > new_site > population > trud > sr-zarplata и <https://ruхpert.ru> > Статистика: История_курса_доллара_к_рублю

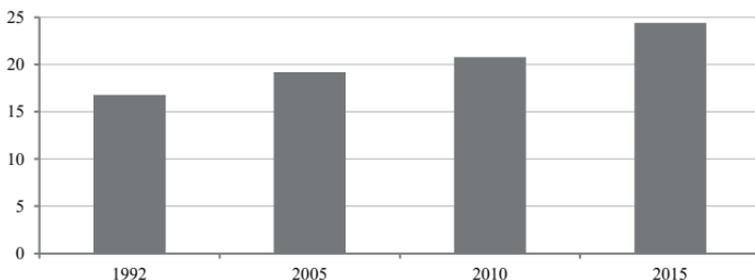
Рис. 1. Динамика номинальной среднемесячной зарплаты в России с 1991 г. по 2006 г., долл. США по курсу ЦБ

Весьма показательными индикаторами роста доходов населения России являются количество автомобилей на 1000 человек (рис. 2) и располагаемая жилая площадь на душу населения (рис. 3).

Источник. Росстат, URL: <https://www.gks.ru> > bgd > regl > lssWWW.exe > Stg

Рис. 2. Количество легковых автомобилей на 1000 человек населения в 1990–2010 гг., ед.

Источник. Росстат, URL: www.gks.ru > storage > mediabank > rus19

Рис. 3. Жилая площадь на душу населения в 1992–2015 гг., м²

Отсюда можно заключить, что главными источниками экономического развития России в 1990–2000 гг. стали лихорадочное преодоление накопленного советского дефицита и общий рост уровня жизни. Огромную роль сыграла начатая в 1992 г. приватизация жилой собственности, превратившая РФ в одного из мировых лидеров по чистым активам на душу населения.

Государство и экономика

Ну и, наконец, в рассматриваемый период методом проб и ошибок сложилась современная российская система управления экономикой – такая, какая она есть.

Как признал Егор Гайдар, «системные преобразования, радикально изменявшие общественное устройство СССР и России, действительно протекали в условиях слабого государства. К началу реформ оказались практически разрушенными все институты государственной власти. Их восстановление на новой основе было, по сути, центральной политической задачей первого посткоммунистического десятилетия. Экономические реформы могли продвигаться вперед лишь по мере решения этой задачи» [Гайдар, 2006].

Постсоветская история еще раз показала, что разрушение государственной системы приводит не к возникновению некоей более прогрессивной системы, которой старая мешала, а к примитивизации общества. При устранении государственного репрессивного аппарата его функции быстро берет на себя

криминал, который предъявляет свои претензии на экономическую и политическую власть.

Маршалл Голдман напоминает, что в 1994 г. российская мафия контролировала 70–80% всех частных предприятий и банков. «Хотя последующие сообщения позволяют предполагать, что проникновение мафии несколько уменьшилось, Хандельман утверждает, что в какой-то момент российская мафия была более всепронизывающей, чем сицилийская... И хотя сегодня бояться мафии стали меньше, ... преступность в России еще в 2001 году оставалась серьезной проблемой. В Москве, например, в 2001 году было совершено около 1700 убийств, что примерно на 1000 больше, чем в Нью-Йорке. В то время как в 1986 году было совершено порядка 15 000 убийств по всему Советскому Союзу, к 2000 году в одной лишь России это число удвоилось и достигло 31 829. По количеству убийств на 100 тысяч человек Россия занимала второе место после Южной Африки, а преступления, связанные с организованной преступностью, в 2001 году возросли на 36%. Важнее всего то, что российская мафия и преступность в целом стали огромным препятствием на пути выздоровления российской экономики» [Голдман, 2005. С. 280].

Засилье криминально-теневого сектора обуславливалось недоразвитостью законодательной базы, унаследованной от советского периода. По действовавшим по инерции еще советским законам и налоговым правилам честно и прозрачно работать в новых условиях было практически невозможно.

«Некоторые утверждают, что, поскольку мафия обычно собирала только 10–20% прибыли, вести бизнес в России таким способом могло быть действительно дешевле, чем если бы государство было сильнее и могло бы вытеснить мафию. Без мафии, но при эффективном государственном контроле, государство предположительно могло бы собирать больше благодаря почти 200 различным налогам, которые действовали, по крайней мере, вплоть до 1998 года... сочетание взяток и официальных налоговых ставок, если бы их все заплатить, составило бы почти 100% прибыли, а иногда и больше» [Там же. С. 40].

Восстановление государственного контроля над экономикой началось только после кризиса 1998 г.

Чему учит история

Максима «дорога в ад вымощена благими намерениями» по-прежнему действенна и нисколько не девальвировалась. Можно ли было осуществить экономические реформы в СССР с меньшими потерями? Теоретически, да. Но для этого интеллектуальное и политическое состояние страны должно было бы быть намного лучше. Люди, которые разрабатывали и проводили реформы, были далеки и от реального российского производства, и особенно – от той вожделенной западной экономики, которую они назначили образцом для себя. Иначе от них не мог бы скрыться факт гигантского преобладания в стране крупного и крупнейшего капитала и его связь с западными правительствами. Их полудетские мечты о свободном рынке основывались на туманных уже реминисценциях нэпманского периода и имели мало общего с тем, как работают и как устроены современные рынки. Так что практический ответ на заданный вопрос – нет.

К тому же в позднем СССР момент для реформ, подобных китайским, был упущен. Ведь для этого нужно иметь послушный профессиональный госаппарат, которого к тому времени уже не было. Шансы были потеряны не Горбачевым и, тем более, не Ельциным, а Леонидом Брежневым в уже далеком от нас 1968 г. Вторжение в Чехословакию означало для нас не только утрату морального статуса лидера, завоёванного в годы войны. Оно означало и конец тогдашних попыток реформ. Танки в Праге раздавили не только чешскую свободу. Они раздавили будущее СССР.

Литература

- Гайдар Е.* Гибель империи: уроки для современной России. М., 2006.
Гайдар Е. Долгое время. Россия в мире. Очерки экономической истории. М.: CORPUS, 2015.
Глазьев С., Батчиков С., Кара-Мурза С. Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2001, М., 2002.
Голдман М. Пиратизация России. Новосибирск/Москва, 2005.
Ершов М. Экономический суверенитет России в глобальной экономике. М: Экономика, 2005.
Кляйн Н. Доктрина шока. М., 2009.
Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990.

Лавровский И. К новой концепции предприятия// Проблемы теории и практики управления. № 4. 1988.

Ленин В. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках гг. Троцкого и Бухарина, ПСС. Т. 42. М., 1970.

Ханин Г. Коммерческие банки РФ в 1992–1998 гг. //Идеи и идеалы. № 3 (9). Т. 1. 2011.

Nove A. An Economic History of the U.S.S.R. Penguin Books, 1975.

Статья поступила 30.06.2021

Статья принята к публикации 21.07.2021

Для цитирования: *Лавровский И.К.* Экономическая трансформация советской системы в 1980–1990-х годах: источники капитала и власти// ЭКО. 2021. № 12. С. 24–45. DOI: 10.30680/ЕКО0131-7652-2021-12-24-45

Summary

Lavrovsky, I., Cand. Sci.(Econ.), Independent Researcher, Moscow

The Economic Transformation of the Soviet System in the 1980s and 1990s: the Sources of Capital and Power

Abstract. The author considers the reasons for the economic crisis of the USSR and the Soviet economic policy, starting with the reform attempts of the 1960s and up to the era of perestroika. The hyper-monopolized Soviet economy was gradually losing control and finally came to its complete bankruptcy. The paper shows the inconsistency of the theoretical foundations of the reforms of the early 1990s, as opposed to the real steps actually taken by the Russian authorities and developed through economic self-organization. The reforms essentially boiled down to the drastic reduction of government spending and the opening of the national markets to foreign corporations. Then the further evolution of the economic system and the system of state regulation is discussed when large economic organizations were restored and the national financial system was strengthened.

Keywords: *the USSR; economic policy; socialism; capitalism; market; corporation; foreign trade; reforms; perestroika; business*

References

Gaidar, E. (2006). The Death of an Empire: Lessons for Modern Russia. Moscow. (In Russ.).

Gaidar, E. (2015). For a Long Time. Russia in the World. Essays on Economic History. Moscow. CORPUS. (In Russ.).

Glazyev, S., Batchikov, S., Kara-Murza, S. (2002). White Book. Economic reforms in Russia 1991–2001, Moscow. (In Russ.).

Goldman, M. (2005). Piratization of Russia. Novosibirsk / Moscow. (In Russ.).

Ershov, M. (2005). Economic sovereignty of Russia in the global economy. Moscow. Economics. (In Russ.).

Khanin, G. (2011). Commercial banks of the Russian Federation in 1992–1998. Ideas and Ideals. No.3 (9), Vol.1. (In Russ.).

Klein, N. (2009). Shock Doctrine. Moscow. (In Russ.).

Kornai, J. (1990). Deficit. Moscow. Nauka Publ. (In Russ.).

Lavrovsky, I. (1988). Towards a New Concept of the Enterprise. Problems of Theory and Practice of Management. No. 4. (In Russ.).

Lenin, V.(1970). Once again about the Trade Unions, about the Current Situation and the Mistakes of Comrades Trotsky and Bukharin, Collected Works. Vol. 42. (In Russ.).

Nove, A. (1975). An Economic History of the U.S.S.R. Penguin Books.

For citation: Lavrovsky, I. (2021). The Economic Transformation of the Soviet System in the 1980s and 1990s: the Sources of Capital and Power. *ECO*. No. 12. Pp. 24–45. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-12-24-45